

УДК 913.1(093.2)325.254.6(575.2)

**К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ
В КЫРГЫЗСТАН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Д.Д. Джунушалиев

Освещается процесс депортации и жизнь спецпереселенцев из Чечено-Ингушской АССР в Кыргызстане.

Ключевые слова: спецпереселенцы; спецкомандатура; депортация; трудовое обустройство; жители Северного Кавказа.

**STUDY ON THE PROBLEM OF DEPORTATION OF PEOPLE
IN KYRGYZSTAN DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

D.D. Djunushaliev

It reflects the process of deportation and special settlers living from the Chechen - Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic in Kyrgyzstan.

Key words: special settlers; the special settlement; deportation; labor arrangement; the residents of the North Caucasus.

Современное постсоветское пространство, в том числе и Кыргызская Республика, находится сейчас на важном этапе формирования своей национально-культурной системы, являющейся составной частью межэтнических взаимоотношений в регионе. Одна из наиболее значимых ролей в этом процессе отводится историческому осмыслению и объективному анализу всех этапов советской истории, которая включала в себя как позитивные, так и негативные аспекты.

Важнейшую, хотя и трагическую, роль в становлении советского государства – подъема экономики, создания интернационального образа советского человека, развития внутригосударственных коммуникаций, этапов государственного строительства в СССР, становления социально-культурных дефиниций, несомненно, сыграли этнические депортации, которые, несмотря на трагедию переселяемых народов, в целом позитивно отразились на развитии республики.

Депортация как элемент классовой борьбы и элемент наказания, несомненно, была одной из самых значительных составляющих репрессивного аппарата советского государства. Если в предвоенные годы депортация решала классовые и геополитические проблемы государства, то Великая Отечественная война в СССР способствовала ужесточению по-

литического режима: окончательно утвердился культ личности Сталина, сформировался фундамент командно-административной системы.

В то же время нельзя отрицать, что суровые условия военного положения требовали чрезвычайных мер. Одним из следствий войны явилась этническая депортация, которая была объявлена в отношении “неблагонадежных народов”, социальных групп “изменников родины”, военнопленных и т. д. Это привело к характеристике 40–50 гг. XX в. советской истории как периода массовой депортации народов с их исторической родины и их культурно-социальной и экономической адаптации на новых местах расселения, в основном в Сибирском и Среднеазиатском регионе, в том числе и на территории современного Кыргызстана.

Дело в том, что основным фактором существования СССР являлось формирование единого образа, направленного на достижение глобальной цели построения социализма и коммунизма, а данная концепция невозможна при существовании иного параллельного мировоззрения в рамках единого государства. Поэтому первоначально классовая борьба сочеталась с уничтожением государственных образований, появившихся после развала Российской империи, и параллельным образованием иных государственных единиц, призванных

сбалансировать сепаратистские стремления в регионах (на Кавказе таким образованием была Армения, в Средней Азии – Кыргызстан).

После формирования республиканских единиц в рамках единого государства и первых успехов в классовой борьбе (раскулачивание), приведших к первой социальной депортации, которая явилась моделью для будущего переселения целых народов, возникла необходимость унифицировать облик, мировоззрение и производственную деятельность советского человека – “строителя коммунизма”. Все это подтверждается основными положениями “Сталинской Конституции”, а также доказывает, что депортация была неизбежна и началась еще до Великой Отечественной войны (латыши, западные украинцы), а война только ускорила эти процессы.

Депортация затронула социально и культурно локализованные народы, т. е. те этносы, где традиции преобладали над государственными идеями. Лишним подтверждением этого факта является то, что это едва ли не единственный признак, объединяющий все переселенные этносы, которые стояли друг от друга на различных социально-экономических ступенях развития.

Несмотря на глобальную трагедию, нельзя не отметить и того, что на территориях, где расселяли депортированных, появление новых рабочих рук позволило дополнительно осваивать новые отрасли экономики, стимулировало местное население социально и идеологически себя идентифицировать, что также соответствовало принципам строительства социалистического государства, то есть этническая справедливость заменялась на социальную справедливость.

К депортациям, то есть насильственному переселению народов, правительство прибегло сразу же после установления советской власти, но особого размаха это движение достигло в годы Великой Отечественной войны и это несмотря на внешнее провозглашение демократических принципов развития общества [1].

Процесс переселения начался с ликвидации Чечено-Ингушской АССР, которая представляла собой в Кавказском регионе определенную политическую и идеологическую значимость. Официальная точка зрения по этому поводу была озвучена в указе № 116 М02 Президиума Верховного Совета СССР: “... тем, что в период Отечественной войны многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов...” [2, л. 12–15].

Современное право не признает коллективного наказания народа на солидарной основе, на принципе круговой поруки за вину части мужчин. Применяя такие меры, государство отказывалось от выяснения индивидуальной вины и преследова-

ние отдельных личностей. Этот вид наказания более свойственен традиционным сообществам. Необычность этого наказания видна уже из того, что при депортации не ликвидировались партийные и комсомольские организации. Так, среди выселенных чеченцев было более 1 тыс. членов ВКП (б) и около 900 комсомольцев, сотни офицеров Красной Армии. В частности в Кыргызстан, по данным на март 1944 г., было депортировано 10880 человек. Из них 22 человека занимали руководящие должности в составе ликвидированной Чечено-Ингушской АССР [3, л. 74–75]. “... прибыло в область членов КП (б) – 60 чел., канд. чл. ВКП (б) – 47 чел. ВЛКСМ – 122 чел.” [4, л. 77–79].

Судьба депортированных на новой родине не отличалась лучшими условиями жизни, так как все приходилось начинать сначала. Нечеловеческие условия жизни, голод, тяжелый физический труд, болезни приводили к гибели тысяч людей. Факты отчаянного положения спецпереселенцев вынуждены были признавать даже официальные власти: “... по комендантуре выявлено крайне истощенных 73 человека, ... 13 человек умерло... Медицинское обслуживание крайне плохо, санитарная обработка отсутствует...” [5, л. 13–20], “... не приняты все переселенцы по причине халатного отношения председателей колхозов ... отмечается низкая трудовая дисциплина, по причине постоянного недоедания...” [6, л. 45–56]. Трагедия заключалась в том, что у переселенцев с Кавказа фактически не оставалось времени на адаптацию к местным условиям.

По прибытию депортированные народы в составе 90 тыс. человек распределялись по районам республики согласно заранее утвержденному плану [7, л. 76–79]. При региональном распределении абсолютно не учитывались родственные связи, в результате чего многие семьи оказались разъединенными. “... Далеко не везде спецпереселенцам со стороны местной администрации оказывался теплый прием, плохие условия жизни спецпереселенцев используются враждебно настроенными элементами... медобслуживание поставлено плохо... истощенными лежат 73 человека..., эти колхозы на день проверки не имеют никаких продуктов питания для спецпереселенцев...” [5, л. 13–20], что вело к массовой гибели среди депортированных, особенно в первый год переселения. Как бесстрастно свидетельствуют документы, наиболее распространенной причиной смерти был тиф, болезнь общей антисанитарии и голод.

Советское руководство при депортациях преследовало и такие цели, как хозяйственное освоение отдаленных малообжитых районов, получение дешевой рабочей силы для сельскохозяйственного освоения целинных земель. Поэтому план расселе-

ния предусматривал и использование труда депортантов. Выбор места и характер работы определялись органами ОГПУ. Было объявлено, что во всех районах поселения депортированным будет обеспечена работа: зимой на производственных участках, летом – на сельскохозяйственных работах.

Поселенцы обязаны были точно соблюдать все постановления и указания местной администрации. В положении о правах и обязанностях депортированных народов содержался раздел о правах, но они лишь декларировались. Даже для обращения в местные медицинские учреждения требовалось особое разрешение комендатуры. Ограничены были права и в культурно-просветительской и общественно-бытовой жизни в селах и поселках Кыргызстана. Но депортируемые не были лишены избирательных прав, хотя и они рассматривались как обязанности.

Депортированные были лишены паспортов, а также были обязаны отмечаться в местных органах НКВД, которым были предоставлены самые широкие права. Указом Президиума Верховного Совета СССР “Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны” устанавливалось, что переселение “проведено навечно”. Самостоятельный выезд с мест поселений карался 20 годами каторжных работ. Дабы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого Указа, чекисты разработали специальную операцию по ознакомлению выселенцев с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где “отбирали” расписку об ознакомлении с ним. Они разрабатывали правила внутреннего распорядка, отвечали за политический и общественный порядок в местах компактного проживания депортантов, следили за выполнением норм выработки на производстве, а также применяли меры воздействия: арест до 10 суток, штрафы. Спецпереселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении в то время, скажет, что это реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Тем не менее, в разъяснениях отдела спецпоселений говорилось о том, что для них не устанавливалось никакого особого режима, кроме запрета оставлять место жительства. В регионах, где был введен паспортный режим, спецпоселенцам выдавались паспорта со специальной отметкой, где его не было – паспорта изымались. По условиям труда, обеспечению жильем спецпоселенцы формально приравнивались к остальным. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация.

8 января 1945 г. появляется постановление СНК СССР, ставшее в последующие годы основным документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев. По этому постановлению спецпереселенцы, в том числе члены семей бандитов, в местах поселения пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением права свободного выезда за пределы района поселения. За побег следовала уголовная ответственность. При этом спецпоселенцы часто расселялись не в изолированных спецпоселках, а были разбросаны по совхозам, колхозам, предприятиям, расселены среди местного населения – в зависимости от наличия жилплощади. Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась. Для контроля существовали спецкомендатуры НКВД, на которые возлагался учет спецпоселенцев, предотвращение побегов, контроль за их хозяйственным и трудовым устройством, предупреждение беспорядков и т. д.

В годы ссылки среди чеченцев и ингушей резко сократилось число образованных людей, многие из них умерли, молодежь не имела возможности полноценно учиться. Обучение в школах велось на кыргызском и русском языках. На чеченском и ингушском языках уже практически не существовало периодической печати, в небольшом количестве издавалась литература, недоступная большинству, особенно молодежи [8]. По словам бывших спецпоселенцев, была ликвидирована письменность на чеченском и ингушском языках, литературный язык, намеренно задерживался рост национальных кадров [9]. В начальный период депортации духовная культура чеченцев и ингушей понесла значительные потери. Частичное и полное нивелирование национальной интеллигенции сделало невозможным продолжать полноценную творческую и научную деятельность. Депортированные утратили возможность читать книги, газеты на родном языке. Религиозные деятели были в большинстве своем репрессированы, а оставшиеся не имели возможности в условиях антирелигиозной политики центра вести религиозную работу в прежнем объеме [10].

Несколько изменилась политика к депортированным народам с 1957 г., когда она стала носить двойственный характер со стороны государственной власти. Официально в 1957–1960-х гг. началось печатание газет, издание книг и трансляция радиопередач на чеченском и ингушском языках. С другой стороны, ограничивается на уровне среднего образования преподавание на родном языке, что не дало полноценной возможности для воспитания творческой интеллигенции [11].

Подобная либерализация со стороны государства говорит не столько о политике повсеместной русификации, сколько о провале национальной

политики Советского государства, проявившемся в частности в общем упадке интереса центра к проблемам регионов, которое особенно ясно стало заметно к концу 1980-х гг. в связи с общим застоём культурной политики в СССР [12]. Происходило упрощение духовной культуры общества в целом, так как на первый план выходили проблемы политической и экономической идентификации, что было следствием политики “демократизации и гласности” времен перестройки. На этот короткий период было отмечено, что среди чеченцев и ингушей несколько снизился интерес к родной литературе и языку, театру, музыке. Данный процесс был кратковременным и на сегодняшний день, как мы наблюдаем, в эпоху строительства государственных автономий в рамках Российской Федерации набирает обороты.

Неверная транскрипция истории чеченского и ингушского народов, фактическое изъятие из нее почти двух десятилетий тормозило дальнейшее развитие национального самосознания, порождало примитивное понимание исторической, этнической и культурной самобытности чеченцев и ингушей, сводившееся к слепому следованию мусульманским законам и адату, изоляции от окружающих народов и их культурного влияния. Среди чеченцев и ингушей появилась точка зрения о вреде образования, о том, что образование всегда идет в ущерб труду и благосостоянию, о развращающем действии иноэтнического окружения [13].

Необходимо подчеркнуть, что депортация населения наносила ущерб стране, в первую очередь экономике районов прежнего обитания переселяемых народов, их культуре, традициям. Прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, деформировалось национальное сознание масс. Был заметно подорван авторитет государственной власти.

Одним словом, были осуществлены грубейшие нарушения Основного Закона государства – Конституции СССР, попораны не только права народов, но и их государственность, поскольку ликвидировались автономные республики, области. Одновременно война высветила и негативные стороны государственной политики в сфере национальных отношений, показала, что в обществе было далеко не все гладко, как это длительное время представлялось официальной государственной пропагандой. Раны, нанесенные народам, не могли быть ими забыты.

Долгие годы потребовались для исправления допущенных крупных ошибок в национальной политике в период Великой Отечественной войны. Они сказываются и поныне.

Подводя итоги вышесказанного, на основе анализа документальных источников можно отметить, что результатами непродуманной национальной политики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период явились многие политические, социальные и экономические потери Среднеазиатского региона и России: 1. Был попоран суверенитет республик и областей. Нарушены права народов на их свободное развитие. 2. Был причинен огромный экономический ущерб. Сельские районы Северного Кавказа, из которых было вывезено население, имеющее многолетний опыт ведения хозяйства в местных условиях, пришли в упадок. 3. Замедлилось развитие промышленного производства в республиках Северного Кавказа. 4. С расширением демократии увеличилось число представителей этих народов, выезжающих за рубеж. Активизировались выступления на национальной почве коренного населения регионов, куда осуществлялось переселение депортированных народов, подчас принимающие агрессивно-националистический характер. Следовательно, увеличилось число этнических беженцев. 5. После восстановления государственности и социальной реабилитации депортированных народов возникли новые межнациональные конфликты с теми, кто заселил освобожденные земли и пустующие дома.

Литература

1. Сборник законодательных нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
2. Центральный Государственный Архив Кыргызской Республики. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 155. Л. 12–15.
3. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 191. Л. 74–75.
4. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 445. Л. 77–79.
5. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 2 с. Д. 34. Л. 13–20.
6. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 212. Л. 45–56.
7. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 160. Л. 76–79.
8. *Местоев О.М.* Этнополитический конфликт как угроза безопасности Северо-Кавказского региона Российской Федерации (на примере осетино-ингушского конфликта): автореферат / О.М. Местоев. М., 2001.
9. *Мужухоев М.Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии / М.Б. Мужухоев. Грозный, 1977.
10. Материалы по истории Владикавказа: сб. док. Назрань, 2002.
11. *Базоркин И.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 6 / И. Базоркин. Магас, 2002.
12. *Овдахов М.* Итоги национальной политики советского периода и проблемы современной Чечни / М. Овдахов // Чечня: от конфликта к стабильности. М., 2001.
13. *Мужухоев М.Б.* Ингуши: страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры / М.Б. Мужухоев. Саратов, 1995.